

АНАТОЛИЙ ГОНЧАР

СПЕЦНАЗ
ОФИЦЕРЫ

СМЕРТНИКИ

МНОГО ЧИТАЕШЬ? ПОДАРОК ПОЛУЧАЕШЬ!
Читай внутри условия акции-2011!

Анатолий Гончар

Смертники

«ЭКСМО»

2011

Гончар А.

Смертники / А. Гончар — «Эксмо», 2011

Бригадному генералу Шамилю Басаеву стало известно, что в числе его приближенных находится человек, работающий на российские спецслужбы. Через него-то генерал и решил запустить «дезу» о том, что Запад якобы передает террористам крупную сумму денег. Цель операции – заманить в ловушку и уничтожить силы спецназа ГРУ, которые обязательно клюнут на приманку. Российские спецслужбы в самом деле отправили к месту предполагаемой передачи денег три спецгруппы. Басаев стянул туда отборные силы боевиков. Казалось бы, он учел все. Кроме одного – мужества и стойкости русских солдат...

© Гончар А., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Шамиль Басаев	5
Группа капитана Гуревича	7
Шамиль Басаев	12
Группа капитана Гуревича	13
Группа старшего прапорщика Ефимова	15
Пункт постоянной дислокации отряда специального назначения	17
Группа капитана Гуревича	19
Боевики	24
Группа капитана Гуревича	25
Боевики	26
Рядовой Григорий Ляпин	27
Полковник Черных	28
Пункт временной дислокации отряда специального назначения	30
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Анатолий Гончар

Смертники

Шамиль Басаев

Небольшая, богато обставленная комната, последнее время служившая прибежищем чеченскому террористу номер один, тонула в полутьме притушенного бра. В комнате было двое – сам бригадный генерал Шамиль Басаев и его тайный агент, чьего лица и имени никто не должен был видеть и знать. Агент уже выложил все имеющиеся у него сведения, и теперь оба молчали. Агент – потому что ему было больше нечего сказать, а полевой командир – потому что обдумывал сказанное. Время шло. Агент уже начал нервно поглядывать на часы, а Шамиль все молчал. Наконец вольготно расположившийся на тахте Басаев коснулся рукой свисавшего со стены края зеленого знамени. Шелк приятно заструился под его пальцами, и бригадный генерал вопреки всему невольно улыбнулся.

– Значит, это абсолютно точно? Ты уверен?

Его собеседник, скрывавший свое лицо под черной маской, склонил голову.

– Да.

– Ты понимаешь, за что ручаешься? – Шамиль не угрожал, просто уточнял. – А если все же твой информатор ошибается, если его сведения – умело подброшенная дезинформация?

– Ошибка исключена, – упрямо повторил собеседник и, видимо, почувствовав, что ему могут и не поверить, встал с кресла, после чего, жестикулируя руками, сделал шаг в сторону Басаева. – Разве я хоть раз дал тебе повод усомниться в достоверности сообщаемых мной сведений?

– Сядь! – грозно рявкнул Шамиль, тем самым давая понять, что хозяин здесь он. – Я буду думать.

– Конечно, конечно! – Поняв, что слегка перешел границы дозволенного, басаевский агент попятился и снова плюхнулся в кресло.

На какое-то время опять наступила тишина, прерываемая лишь тиканьем стоявших в углу старинных напольных часов.

– Что ж, – улыбка на лице Басаева стала зловещей, – если, как ты уверяешь, один из моих самых близких друзей продан нашим врагам, то это объясняет ряд последних наших неудач... – задумчиво процедил Шамиль, и в который раз погрузился в размышления, а его собеседник счел за лучшее углубиться в созерцание собственных ботинок. Но молчание не могло длиться вечно.

– Пожалуй, ты можешь идти, – с оттенком усталости проговорил командующий боевыми формированиями Чеченской Республики Ичкерия. – Деньги, как всегда, будут переведены на твой счет. И вот что еще: в следующий раз снимай при мне свою маску.

– Но меня могут увидеть! – попробовал было протестовать агент, но Басаев резким движением руки пресек эту жалкую попытку воспротивиться его воле.

– К псам! Никто не посмеет войти в эту комнату без моего разрешения! – Шамиль усмехнулся. – Так что за свою шкуру можешь не опасаться. Или ты считаешь, я не способен внушить покорность собственным телохранителям? – Теперь от сказанных почти шепотом слов повеяло холодом.

– Нет, что вы! – внезапно перейдя на вы, заверил Басаева не в шутку перепугавшийся агент и, не дожидаясь новой реплики, поспешил к двери. – «Вот ведь псих!» – мелькнуло у него в голове прежде, чем рука коснулась дверной ручки. Но если бы у агента хватило наглости обернуться, то он бы увидел, как на лице бригадного генерала играет довольная улыбка. Басаев

действительно был доволен, и не только тем, что сумел так легко нагнать страх на этого иуду, но и тем, что теперь он наконец знал имя иуды собственного. Но ликвидировать его Басаев пока не собирался. Относительно предателя в его голову пришла не оригинальная, но очень интересная мысль.

– Получается, почти все, что я планирую, становится известно русским... – медленно произнес он и, пребывая в задумчивости, стал накручивать на палец угол ичкерийского знамени. – Что ж, теперь, когда я знаю все наверняка, это может сыграть нам на руку. – Лицо Басаева расплылось в злой усмешке. – Значит, поведем свою собственную игру. Но прежде надо все хорошенько обдумать. Время у меня есть...

Группа капитана Гуревича

Разведывательная группа специального назначения первой роты отдельного отряда СпН под командованием капитана Игоря Гуревича двигалась параллельно тянувшемуся на северо-восток хребту. Медленно сползая с одного его отрога, она тут же начинала взбираться на следующий. Выматывающее движение продолжалось уже не один час, но ведущий группу капитан Гуревич не останавливался даже на обязательный сеанс связи.

Несколько поредевшая за почти шесть месяцев командировки группа состояла из тринадцати человек. Первым, как всегда, двигался сержант Григорий Ляпин. Вторым – только на днях переведенный к Гуревичу рядовой Максим Мельников, до этого служивший в комендантском взводе. Третьим – пулеметчик рядовой Сергей Мыльцын. За Мыльцыным – собственно сам капитан Гуревич, до этого ходивший шестым, но не так давно согласившийся с доводами старшего прапорщика Ефимова (командира еще одной группы СпН этой же роты) и начавший ходить четвертым. Следом – первый номер радистов младший сержант Виктор Романов. Потом еще один Максим – сержант Сахнов – разведчик-автоматчик, к тому же заместитель командира группы. За Максимом – рядовой Вадим Ратушный – разведчик-пулеметчик. За Вадимом – снова радист – рядовой Руслан Абашев. За радистом – два бойца второй «тройки» ядра (хотя в разведывательных дозорах ядра осталось всего по два бойца, разведчики по привычке продолжали именовать их тройками) – разведчик-снайпер рядовой Виталий Аверин и разведчик-пулеметчик рядовой Кирилл Данилкин (он же старший тройки). Дальше – замыкающая тыловая тройка разведчика-автоматчика старшего сержанта Федора Инышина – разведчик-пулеметчик рядовой Василий Быков и разведчик-автоматчик рядовой Леонид Чибизов.

Собственно в этом районе Игорь работал не в первый раз и никаких сюрпризов в смысле найденной базы или внезапного появления «чехов» не ждал, но расслабляться не собирался. Следуя строго на северо-восток, в ближайшие полтора часа он рассчитывал добраться до старой, давно заброшенной «чеховской» базы и сделать часовой привал, после чего продолжить движение и в первом же благоприятном для засады месте организовать дневку. Группе капитана Гуревича предстояла еще одна ночевка, а так как до конца командировки оставались считанные дни, то он предпочитал не рисковать.

– Чи, – шедший вторым рядовой Мельников, насторожившись, поднял руку вверх. – Чи, – повторил он снова, всматриваясь куда-то вверх, в сторону возвышающегося над местностью хребта.

Двигавшийся впереди него Ляпин, поняв, что его окликнули, остановился и непонимающе уставился на своего боевого товарища.

– Что у тебя? – одними губами спросил он, и Максим молча показал рукой в направлении заинтересовавшего его объекта. Увы, но Григорий, проследивший за направлением его взгляда, ничего не увидел. Поросший лещиной склон, несколько кривых деревьев и уже дальше на горбушке хребта настоящий густой лес из темноствольных буков. Но ничего подозрительного. Закончив разглядывать местность, Ляпин пожал плечами: «Не вижу».

– Показалось, – шепнул все еще тарасившийся вдаль Мельников, после чего вздохнул и уже было приготовился двигаться дальше, когда из-за его спины тоже послышался негромкий призыв:

– Чи.

Максим обернулся и увидел жестикулирующего Мыльцына.

«Ты и ты, – тычок пальцем в сторону Ляпина, – на досмотр, не спеша, аккуратно». – Пулеметчик несколькими движениями передал приказ командира, после чего шагнул вверх по склону и, выбрав местечко за бугорком, поставил свой «ПКМ» на сошки и, бухнувшись рядом, повернул голову к все еще стоявшему в неподвижности Мельникову.

«Давай, давай!» – энергичным жестом поторопил он, а наконец-то понявший его Максим кивнул, тяжело вздохнул, проклиная самого себя за излишнюю подозрительность и, передав поступившую команду старшему тройки, действительно медленно (даже чересчур медленно) начал подъем вверх, в сторону столь заинтересовавшего его кустарника. Впрочем, вскоре его обогнал привыкший идти первым Ляпин, и Максим почувствовал себя увереннее. Тем не менее его взгляд настороженно метался по сторонам, а рука сама собой совершенно произвольно тянулась к предохранителю.

– Ну и? – поведя стволом из стороны в сторону, сердито спросил Ляпин, когда они, пробравшись через заросли лещины и тяжело дыша, выбрались на вершину хребта.

– Я ж сказал, показалось, – виновато проговорил Мельников и отвел взгляд.

– А показалось-то хоть что? – Григорий, присев, внимательно огляделся по сторонам, но ничего подозрительного на «горизонте» не заметил.

– Мелькнуло что-то... – пробормотал бывший комендач, на что Ляпин только хмыкнул:

– Понятно, – впрочем, он вовсе не собирался читать мораль своему товарищу. – Ладно, пошли вниз.

– Может, кабан? – Судя по всему, Мельников чувствовал себя неловко.

– Да ты не переживай! – Григорий беззаботно махнул рукой. – Лучше уж пару раз покажется, чем один раз прохлопать ушами и огрести по полной программе. Так что если еще что заподозришь, не скромничай и говори. Понял?

– Угу, – уныло процедил новоиспеченный разведчик, которого, похоже, слова Григория вовсе не воодушевили.

– И дистанцию набери, – скомандовал Ляпин.

– Понял.

Максим замедлил шаг и, постепенно отставая от размашисто шагающего вниз Григория, поплелся сзади. Затем встал и прислушался. Но никаких подозрительных звуков слышно не было. Наконец, когда старший тройки уже почти полностью скрылся за зеленой стеной никак не желающего поддаваться осеннему настроению орешника, Мельников, бросив еще один взгляд вдоль хребта, мотнул головой, словно стряхивая с себя внезапно нахлынувшее наваждение, и вновь поспешил вслед за удаляющимся сержантом.

На середине пути бойцов, проводивших досмотр местности, встретил капитан Гуревич. Выглядел он озабоченным, но скорее всего эта озабоченность касалась каких-то своих сторонних мыслей, а вовсе не результатов проведенного досмотра.

– Что там у вас? – Командир группы, вскинув подбородок, вопросительно уставился на подходившего Ляпина.

– Может, показалось, может, кабан: Макс вроде бы движение видел, – Григорий покоился на отстоявшего чуть выше Мельникова. – Поднялись, я все осмотрел – ничего. Кабаны следы, и все.

– Ясно... – Хотя что тут было ясно, не смог бы ответить, наверное, никто. – Идем дальше, и не торопись, успеем. Главное – внимательность. Все, давай топай в строй.

С этими словами Игорь отступил чуть в сторону, пропуская мимо себя разведчиков головного разведдозора. Когда же Ляпин и Мельников его миновали, он, поднеся к глазам бинокль, еще какое-то время стоял, всматриваясь в вершину хребта, но там ничего подозрительного не наблюдалось, лишь слабый юго-западный ветерок шевелил листья, да перепархивала с ветки на ветку маленькая суетливая птичка. Наконец капитан, тоже считавший, что лучше «перебдеть», чем «недобдеть», оторвался от окуляров и, развернувшись, зашагал вниз.

«Значит, показалось», – окончательно утвердившись в этой мысли, Гуревич достиг цепи уже приготовившейся к продолжению пути группы и, заняв свое место в боевом порядке, махнул рукой: «начинаем движение».

Хватаясь руками за растущие на склоне растения, с усилием впечатывая подошвы ног в неподатливую глинистую почву, спецназовцы начали спуск с узкого отрога – одного из многих, что в изобилии, словно корневища гигантского дерева, расползались от хребта, горбатящегося по левую руку от ведущих поиск разведчиков.

Повинуясь приказу командира, Ляпин шагнул вперед и, внимательно глядя под ноги, осторожно начал спускаться. Он двигался чуть наискосок, все время придерживаясь правой рукой за растущие побеги деревьев, а в левой держа чуть отставленный в сторону автомат. Григорий не спешил, и его взгляд то ощупывал землю, намечая место для очередного шага, то скользил вдаль и в стороны. Он действовал согласно полученным еще с утра инструкциям:

«Гриша... – Солнце уже вылезло над горизонтом, и группа капитана Гуревича готовилась к началу движения; сам же капитан сидел на корточках и, расстелив на рюкзаке карту, осторожно касался ее только что сорванной травинкой. – Нам надо выйти вот сюда, – травинка метнулась вправо, – минные поля ты видишь, – травинка прошла по уже изрядно стершимся условным обозначениям, нанесенным гелевой ручкой поверх покрывающего карту ламината.

– Угу, – поддакнул склонившийся к карте Ляпин, впрочем, без особого интереса вслушивавшийся в слова своего командира – предстоящий маршрут они уже разбирали, и вряд ли можно было услышать что-то новое.

– Пойдем по правому скату вот этого хребта, – травинка снова загуляла по карте. – Здесь местность почти лысая, деревьев, кустарников и даже травы практически нет. Будем идти, отрезая, вычлняя вот этот участок, – травинка сделала полукруг. – Времени у нас сегодня много. Иди не спеша, внимательно глядя под ноги, там, где мы будем двигаться, мин быть не должно, но кто знает, оползнями могло и нанести. Смотри следы, почва влажная, если «чехи» здесь ходят, то где-нибудь они их должны оставить. Если ничего не заметим, то, скорее всего, здесь никого и нет. Дойдем до места, где ручей убегает вправо, возьмем левее и будем искать место для засады. Думаю, на сегодня поиска будет достаточно, дальше не пойдем. Хватит. До места эвакуации тут всего ничего. Завтра раненько встанем и не спеша потопаем. В общем, Гриша, основное – мины и следы. Вопросы есть?

– У матросов нет вопросов, – улыбнулся сержант Ляпин.

– Тогда двигаем, – скомандовал Гуревич, и сложенная в три движения карта опустилась в разгрузку...

Этот утренний разговор вспомнился Григорию именно сейчас, когда он начал спуск вниз, вспомнился, чтобы тут же забыться из-за крайней необходимости дотянуться рукой до следующего, растущего на склоне деревца. Когда же пальцы сержанта Ляпина коснулись его тонкого ствола, он сжал ладонь и уже более решительно сделал следующий шаг. Получилось не слишком удачно – из-под подошвы выскользнул и полетел вниз мелкий округлый камень, посыпалась вывернутая им почва, но Григорий, почти не обратив на это внимания, двигался дальше. Вот он спустился до низу и продолжил движение по уже практически ровной поверхности, но уже через десяток метров ему пришлось перепрыгнуть через небольшой, метровой глубины и ширины овражек, преодолев который, Григорий пересек кабанью тропу и проследовал к подножию очередного отрога. А на кабаньей тропе остались отчетливые отпечатки подошв его ботинок.

«Нет здесь ни хрена! – подумалось сержанту Ляпину, когда он начал очередное, наверное, уже сотое за этот день восхождение наверх. – Ничего сегодня не будет. Таким темпом еще немного вперед и, как сказал группник, будем выглядывать, где сесть в засаду. Может, оно и к лучшему, что сядем пораньше, лишний часок-другой отдохнем, а там ночь спокойного ожидания, и в темпе вальса к месту эвакуации... – рассуждая подобным образом, сержант схватился за свисающее сверху корневище и выбрался на вершину. – Сколько нам еще осталось до замены? Одно БЗ? Это три-четыре дня. А затем еще несколько деньков, и все, мы дома». –

Григорий на несколько секунд остановился, успокаивая дыхание, затем, оглянувшись назад, окинул взглядом все еще спускающуюся группу и зашагал дальше.

– Сучка...

Поскользнувшись и едва не загремев вниз, капитан Гуревич в последний момент успел уцепиться за тонкий, росший на склоне прут и удержал равновесие. По ладони разлилась боль, капитан утвердил ногу и отпустил этот прут, оказавшийся тонкой веткой шиповника. Ладонь под пробитой шипами кожаной перчаткой ощутимо жгло. Еще раз мысленно ругнувшись, Гуревич продолжил спуск. Его внимательный взгляд скользил по окружающим предметам: слева отрог постепенно сливался с хребтом, становясь его частью, а справа, стремительно проседая, сходил на нет, в свою очередь расползаясь на два узких, совершенно лишенных растительности рукава. Продолжая понижаться, изрезанная многочисленными овражками местность в конце концов обрывалась в русло протекающей между двумя хребтами речушки. Казалось бы, небольшой водный поток – и, тем не менее, за многие тысячелетия речушка вымыла вокруг себя двадцатиметровые неприступные стены берегов, подняться на которые или спуститься с которых было весьма проблематично. Но, как оказалось, именно в этом месте спуск к реке как раз и был – чуть впереди, там, куда сейчас подходил капитан Гуревич, пролегалла широкая тропа, истоптанная многочисленными кабаньими следами, отчетливо видимыми на серой глинисто-грязевой поверхности.

«Контрольно-следовая полоса» – невольно пришедшее на ум сравнение как нельзя лучше соответствовало этой широкой, извилистой линии, спускавшейся с вершины хребта и бегущей к шумевшим водам ручья. Близ речного берега тропа поворачивала влево и, вильнув к обрыву, скатывалась вниз, за его кромку, чтобы затем, по невидимой глазу отмели перебравшись через ручей, узкой косой чертой выбраться на правый берег и, продолжая петлять, раствориться среди растущего на соседнем хребте леса.

До некоторой степени было даже странно, что кабанья тропа оказалась на удивление широкой – не обойти, не перепрыгнуть ее так, чтобы при этом не оставить следов, не имелось никакой возможности, а зная плотность минирования соседних хребтов, именно она представлялась наиболее удобным маршрутом передвижения для нежелающих подорваться людей, но... любой ступивший на эту тропу оставлял четкий отпечаток подошвы своего ботинка. Вот и сейчас на ней виднелись рифленые протекторы ушедших вперед разведчиков.

Гуревич вслед за Мыльцыным перепрыгнул овраг и, продолжая движение вперед, достиг края тропы. Он уже хотел идти дальше, когда что-то привлекло его внимание, что-то, заставившее остановить взгляд и впериться в темно-серую грязевую массу, истолченную многочисленными копытами и изрытую множеством усердно рывшихся по всей тропе пяточков. Игорь не сразу понял, что именно привлекло его внимание, более того, еще раз брошенный взгляд не смог сразу выхватить это что-то. Тогда он, застыв на одном месте, еще раз внимательно осмотрел лежавшую под ногами тропинку. И снова ничего не увидел. Но ведь что-то ему удалось зацепить краем глаза?! Пребывая в раздумьях, Игорь присел, тем самым пытаясь под другим углом взглянуть на протоптанную кабанями тропинку. Затем целую минуту сидел, но так ничего и не обнаружил. Уже собравшись идти дальше, капитан повел взглядом вдоль тропы и вдруг наконец-то заметил это крохотное с желтоватым оттенком нечто, привлечшее его внимание.

«Золотой самородок», – в шутку подумал группник, предположив, что это всего лишь чудом уцелевший кусочек глины, но, тем не менее, сделал шаг в сторону и, нагнувшись, коснулся пальцем столь заинтересовавшего его предмета.

Едва Игорь опознал перепачканный в грязи предмет, он испытал искреннее недоумение, которое тут же сменилось чувством удовлетворения. Гуревич понял, что это может означать наличие поблизости противника – ведь на указательном пальце левой руки, лежало маленькое зернышко ячменя. А оно никоим образом не должно быть в этой далекой от полей лесной

местности. Конечно, его могла обронить и какая-нибудь вездесущая птица, но верилось в это с большим трудом. Игорь выпрямился, но, прежде чем начать движение вперед, какое-то время пребывал в задумчивости. Между тем Мыльцын уже почти добрался до верхней точки отрога. Сзади же слышалось, как переминается с ноги на ногу недовольный внезапной остановкой Сахнов, а капитан, продолжая держать зернышко на кончике пальца, все стоял и думал. Наконец он стряхнул с пальца ставшее ненужным легковесное зерно и начал очередное восхождение, одновременно продолжая обдумывать свои дальнейшие действия.

Они прошли еще метров триста, когда стволы деревьев и изредка попадающиеся заросли кустарников надежно укрыли спецназовцев от возможного чужого взгляда. Только тогда Гуревич поднял руку, останавливая продвижение группы.

– Чи, – окликнул он впереди идущего.

«Внимание. Стоп», – рука, поднятая вверх. И следом, пока обернувшийся к нему Мыльцын не отвернулся: – «Старших троек ко мне». И новое движение, уже повернувшись лицом к остающейся за спиной основной части группы – «занять круговую оборону». И вслед за тем быстрый взгляд, брошенный на рассыпающиеся во все стороны фигуры разведчиков. Молодцы, соображают.

– Командир? – Ляпин, что не удивительно, подошел первым, но на его лице читалось легкое недоумение от непонимания причин произошедшей остановки.

Шамиль Басаев

На этот раз братьям Келоевым и их отряду в планах Шамиля Басаева отводилась главенствующая роль. Даже два десятка отборных, опытнейших моджахедов Хайруллы (присоединившиеся к братьям в последнюю неделю сентября) поступали в их полное и беспрекословное подчинение. Разнос, который учинил Басаев братьям Келоевым за провал предыдущей операции, пошел им на пользу, и за последнее время братья успели отличиться трижды, тем самым заслужив себе если и не прощение, то, во всяком случае, шанс на возможность оправдаться окончательно.

Сам же Шамиль после неудачной попытки уничтожить российского президента и уж тем более после потери столь важных для него документов, на некоторое время впал в апатию, временами сменявшую черной тоской. Но вскоре жизнь вошла в привычное русло, а полученные сведения о предательстве, как ни странно, и вовсе всколыхнули в нем желание действовать. Внезапно возникший план оброс деталями, и все последующие недели командующий боевыми формированиями Чеченской Республики Ичкерия со своими агентами продолжал работу над воплощением задуманного в реальную жизнь. Перво-наперво были продуманы и разработаны планы сразу двух террористических актов и отдан приказ о начале их подготовки; но делалось это так, чтобы слухи об этом дошли до предполагаемого предателя. Во-вторых, тайно от всех Шамиль вышел на своих зарубежных покровителей и, заручившись их поддержкой, вступил в контакт с одним известным западным информационным агентством. В результате чего после непродолжительных переговоров он достиг договоренности относительно прибытия в Ичкерию профессиональной телевизионной группы. Правда, при этом бригадному генералу пришлось поручиться за их безопасность, но таких поручительств Шамиль мог дать сколько угодно – жизнь прибывающих в Чечню корреспондентов его нисколько не волновала. Впрочем, она не волновала и отправившее корреспондентов агентство. Если дело выгорит, то материал должен был получиться убойным, если нет, то у агентства было в достатке других, не менее хороших специалистов. К тому же смерть корреспондентов в Чечне могла стать неплохой рекламой. Так что в любом случае агентство оставалось в выигрыше.

В принципе, Басаев мог произвести съемки задуманного и собственными силами, а затем разместить отснятое на сайте «Кавказ-Центра», но разве это сравнилось бы по силе воздействия с информацией, данной солидным западным агентством, хотя бы и во избежание международных осложнений, переданного с пометкой «из неизвестного источника»? Конечно же, нет. Следовательно, профессиональный корреспондент был нужен, и Шамиль предполагал сделать все возможное для его прибытия.

Об утеранных три недели назад документах он предпочитал не думать – лишь утроил бдительность, продолжая считать, что выкраденные документы затерялись где-то в горах Ичкерии, а по назначению так и не дошли.

Группа капитана Гуревича

– Так, орлы, перспектива у нас вырисовывается следующая: на кабаньей тропе я нашел зернышко ячменя... – Капитан Гуревич не собирался тянуть кота за хвост и рассусоливать вокруг видящейся ему ситуации, но, тем не менее, давал возможность старшим троек домыслить сказанное и прийти к сделанным им выводам самостоятельно.

– Вы думаете... – медленно проговорил Иньшин. На то, чтобы сложить два и два и прийти к таким же мыслям, что и группник, много времени не потребовалось.

– Предполагаю, – Гуревич поправил сползший с плеча ремень автомата.

– Может, птица приперла? – Задавший этот вопрос сержант Ляпин, похоже, и сам не слишком-то верил подобному совпадению.

– Может, но чересчур сомнительно, – капитан покачал головой. – Более вероятно, что по этой тропе «чехи» ходят на базу. А чтобы не оставалось следов – прикормили кабанов и рассыпают за собой зерно.

– Поэтому-то и тропа такая широкая, – догадался Иньшин, и командир, взглянув на него, в подтверждение кивнул.

И бойцы, и их командир в теории, естественно, знали о существовании подобного способа заматывания следов, но не слишком верили в то, что он применяется, и уж тем более никогда не предполагали, что нечто подобное им встретится на практике.

– Что, будем искать? – не глядя на группника, спросил Григорий Ляпин. Да он, собственно, не столько спрашивал, сколько констатировал факт предстоящих действий.

– Будем, – Игорь позволил себе легкую усмешку. Похоже, сержант уже настроился на скорый отдых, а тут – бамс, и вот те на – подлянка.

– Понятно, – в голосе Иньшина прозвучали нотки неудовольствия. Перспектива схлестнуться с противником в конце командировки никого особо не прельщала. Но базу, если она была, следовало найти, и чьи-либо желания здесь не играли никакой роли.

– Скорее всего, база где-то здесь, – Гуревич, не обратив внимания на тон бойца, вытащил и развернул карту. – А здесь вокруг, черт бы их побрал, сплошные минные поля. Поэтому сейчас продвинемся еще метров на двести строго на восток, затем постараемся найти относительно удобный для перехода ручья участок берега и переползем на другую сторону хребта. Если верить карте – минного поля в этом месте нет, но все равно будь внимательнее. – Эти слова были напрямую адресованы задумчиво поскребывавшему подбородок Григорию.

– Угу... – несколько рассеянно ответил тот и продолжил заниматься своей отросшей за три дня щетиной. А группник вновь вернулся к объяснению собственной диспозиции.

– В общем, переходим хребет и по его южному скату топаем в обратном направлении. Верхотура хребта заминирована, так что внимание под ноги, возможен снос мин ниже по склону. Дистанция предельная, идем медленно, время у нас еще есть. Если что-то покажется подозрительным – сразу же давайте мне знать.

– Базу, если найдем, брать будем? – вновь поинтересовался Иньшин. Гуревич широко улыбнулся.

– Действуем следующим образом: сначала найдем, потом понаблюдаем, потом решим. Возможно, оттянемся назад и наведем артуху.

– Вот это лучше всего! – радостно поддакнул Федор.

Командир группы, глядя на него, подумал: «Если артиллерия в состоянии накинуть туда снаряд». Но ничего не сказал вслух. Он хорошо представлял местность, и в том, что это возможно, у него имелись большие сомнения.

– Ее еще найти надо, – угрюмо буркнул все это время молчавший Сахнов и, перехватив поудобнее автомат, не дожидаясь команды, направился к своей тройке.

Гуревич посмотрел ему вслед, но одергивать и возвращать не стал, а только лишь задумчиво проводил взглядом. Все-таки психологическая усталость давала о себе знать. Близость дома заставляла нервничать даже самых выдержанных и стойких.

Группа старшего прапорщика Ефимова

– Прикрой! – во всю глотку гаркнул Ефимов, вскакивая и бросаясь к следующему при-
смотренному им укрытию. Но тут его правая нога зацепилась за переплетение трав, и старший
прапорщик, не добежав до спасительного бугорка пару метров, рухнул на устилающую землю
травяную подстилку. Неосторожно подставленный навстречу земле локоть пронзило болью.
Скривившись, Сергей обернулся и окинул взглядом вытянувшуюся в цепь группу.

– Вперед, вперед! – напрягая глотку, заорал он, и тут же, увидев, как неловко свалился
бегущий во второй тройке ядра рядовой Артем Баранов крикнул: – Баранов ранен!

– Баранов ранен! – продублировал кто-то из бойцов, и вот уже один из разведчиков начал
смещаться в сторону раненого разведчика.

– Магазин! – Луженая глотка Прищепы, казалось, перекрыла все звуки. – Прикрой, блин,
прикрой! – Александр оказался на совершенно открытой площадке и теперь стремительно
переползал к ближайшей небольшой канавке.

– Прищепка тяжело ранен! – Крик достиг ушей бежавшего вслед за Прищепой пулемет-
чика Олега Тушина, и он, бросив ПКМ на сошки, витиевато выматерился. Ранение Прищепы
лично ему не сулило ничего хорошего.

– Николай, к раненому! – прильнув к пулемету, заорал на замешкавшегося Вячина остав-
шийся в тройке за старшего Тушин. Из-за его спины выскочил тот самый окликнутый им
Николай Вячин – разведчик-автоматчик, с недавнего времени ставший пулеметчиком второй
тройки ядра, и рыбкой сиганув вперед, оказался подле тяжелораненого Прищепы.

– Зараза! – в свою очередь матюгнулся он, вытаскивая из кармана бинт.

– Отход! – новая команда достигла ушей Вячина, уже принявшегося бинтовать раненого
Прищепу.

– У, б... – снова выругался пулеметчик и начал закидывать на шею ремень чужого авто-
мата. Прищепка чуть приоткрыл глаза и громко застонал.

– Ну, ну, – прокомментировал этот стон Николай и, став на колени, взвалил неподъемное
тело Прищепы себе на плечо.

– Живее, Колюха, живее, отход! Коля, отход! – кричал нервно поглядывающий за спину
Тушин.

– Сшас я, шсас, – сквозь зубы процедил Вячин и, услышав, как хрустнули собственные
коленки, встал на ноги.

– Бегом! – торопил лежавший за небольшой насыпью группник.

– Бегом! – вторил ему прикрывающий тыл Гаврилюк.

– О, мать моя, женщина! – ругался и стонал сам Вячин, тащивший тяжеленного Прищепу.

– Кудинов, помоги Вячину, я прикрою! – Смиловившийся Ефимов поднялся с зани-
маемой позиции и закинул автомат за спину. – Отход до периметра! – кивнул он в сторону
огороженной колючей проволокой территории пункта временной дислокации.

Занятия по тактико-специальной подготовке подходили к концу, и вволю набегавшимся
спецназовцам пора было готовиться к обеду. Командир разведывательной группы номер два
старший прапорщик Ефимов окинул взглядом цепь отступающих бойцов и улыбнулся. Цель
занятия, по его мнению, была достигнута. Бойцы были слегка взбодрены, и тень расслабухи,
в последнее время медленно, но упорно наползавшей на его разведчиков, слегка развеяна.
Продолжая улыбаться, Сергей неторопливо шагал вслед отступающим бойцам, но уже не давал
новых вводных и не делал никаких замечаний – отход проходил в «штатном режиме».

– Прищепка! – Ефимов окликнул своего заместителя, подойдя к закончившим отступле-
ние бойцам. – Уводишь людей, сложите оружие на плацу и – на обед. После обеда – чистка
оружия.

– Ясно! – Прищепа обвел нарочито тяжелым взглядом скучковавшихся разведчиков и отрывисто скомандовал: – Боевым порядком в направлении плаца шагом марш!

Бойцы загудели, и на ходу занимая отведенные им места в общей цепи боевого порядка, потянулись в указанном направлении. А Сергей остался стоять на месте, разглядывая виднеющиеся на горизонте горы и думая о чем-то о своем, никому неведомом. А впрочем, о чем он мог еще думать, как не о возвращении домой? А может, он думал о своих раненых на прошлом боевом задании и теперь, слава богу, идущих на поправку ребятах? А может, о предстоящем вечером «обмытии» пришедшей рядовому Прищепе награды – медали «За отвагу»? Да мало ли о чем мог думать уже готовившийся к возвращению с очередной войны прапорщик?!

Пункт постоянной дислокации отряда специального назначения

Все дневные хлопоты были закончены. Темнело. Командный состав второй роты уже успел отужинать, и теперь, рассевшись в пристройке, точил лясы. Говорили – нет, не о бабах, не об иных проявлениях гражданской и потому далекой сейчас жизни, – а о войне. Как-то само собой зашла речь о том, кто и как на этой войне становится Героем Российской Федерации. Естественно, речь не шла о случаях подлинного героизма; не стали трогать и Героев, которые получили это звание уже будучи большими начальниками. В первом случае вопросов не было – заслужили, во втором... наверное, «Главверху» виднее... Так что вспоминались случаи курьезные, а то и вовсе анекдотичные. Рассказывал, в основном, Гриша Воробьев, командир роты связи. Связисты – они вообще народ осведомленный, особенно по части сплетен, ну и тайн, конечно, но о чужих тайнах те связисты, что поумнее, предпочитают помалкивать. Григорий был умным связистом, поэтому обычно травил байки. Вот и в этот раз рассказывал очередную «легенду»:

– Я ведь первый раз в Чечню с пехотой попал, но это неважно, я же связист, а мы везде нужны. Короче, служил у нас в бате – батальоне – командир взвода лейтенант Геннадий Шмелев. Раздолбай раздолбаем. Все знали: если где-то что-то учудили, значит, поблизости должен быть Шмелев. Но как-то обычно сходило ему это с рук. Но вот однажды наш лейтенант решил покататься на БМП, и не где-нибудь, а по просторам окружающей местности. Где он там по полям круги наворачивал – хрен его знает, только выполз он к нашим позициям со стороны «чехов». А там с левого фланга дивизии на фишках, как назло, одни «контрачи» оказались, парни ушлые, долго разбираться не стали, ну и вклепили в боевую машину пару выстрелов из «РПГ». Летеха-то наш живой остался, а БМП – на хер. Начали разбираться, рады бы замять, но тут такое дело, что не скроешь. Понятно, все на комдива выплыло. А когда выплыло, то и комдив репу зачесал: что делать? Ведь не отпартикуешь: так, мол, и так, из-за одного мудрили... Одним словом, подумали и отчитались за проведенный бой. Ну, как положено: в ходе отражения атаки противника... в результате героических действий... во время боестолкновения уничтожено... наши потери – одна боевая машина пехоты... в живой силе потерь нет... особо отличились... ну и далее... Какой-то клерк прикола ради фамилию лейтенанта туда и вставил. А тут как раз на наши головы, так сказать, пролетом, одна большая шишка на вертолете приземлилась. Ему, естественно, о произошедшем боестолкновении уже доложили, так что, приняв доклад нашего комдива полковника Андреева, он первым делом БМП подбитую осматривать потащился. Походил, поохал, головой покачал, ну и обратно к вертолету пошел, а идти от того места, куда подбитую БМП притащили, до вертолетной площадки нужно было чуть ли не через половину лагеря. Идут, начальнику-то скучно, вроде бы все высказал – и поругал, и похвалил, но идти ему молча тоже, не с руки, вот он и посетовал:

– Личный состав, – говорит, – у вас неплохой, – а вот ни одного Героя!

И как назло проходили они как раз мимо костра, у которого вместе с солдатами сидел лейтенант Шмелев. Иди в офицерскую палатку он пока опасался. Как говорить, во избежание эксцессов. А тут на глаза комдиву и попался.

– Да вон он, герой, сидит! – в сердцах брякнул наш полковник, в котором до сих пор сидело желание самолично разбить морду этому герою. Брякнул и тут же прикусил язык. Но слово уже вылетело.

– Кто такой? – встрепенулся большой начальник. – А ну давай его сюда, хочу поглядеть на твоего героя!

Комдив побледнел, закусил губу и выкрикнул фамилию проштрафившегося лейтенанта. Пока тот шел, понуро опустив голову, пока мысленно готовился к разносу, пока представлялся, – свершенный Шмелевым «легендарный подвиг», возникший в голове у полковника, начал обрастать деталями.

– Ну, и чем все это закончилось? – с недоверием в голосе поспешил уточнить у рассказчика старший лейтенант Крушинин.

– Чем, чем, – обиженно пробурчал Григорий. – Если бы ему Героя не дали, я бы не рассказывал!

– Охренеть! – выдохнул Крушинин, а Григорий начал плести следующую известную ему байку.

Группа капитана Гуревича

Лес в этом месте хребта был просто лесом, ничем не отличимым от сотни таких же мест – небольшой уклон в западном направлении в сторону хребта, ровная, поросшая травой почва, кое-где тонкие прутья подлеска.

Шедший первым сержант Ляпин не сразу осознал, как ему повезло, что он практически случайно сумел отличить коричневый кусочек корпуса ПМНки от выглянувшего на поверхность корневища. Стоп! Уже занесенная нога повисла в воздухе. Вскинув вверх руку, Григорий, не поворачиваясь, отрывисто бросил:

– Мины!

И словно играя в какую-то игру, вся группа повторила его действия. Вот только шедший крайним рядовой Леонид Чибисов руку поднимать не стал, а настороженно посмотрел по сторонам в поисках еще какого-нибудь «сюрприза». Но ничего подозрительного не увидел – не шелохнулась ветка в лесу, не мелькнула чужая тень, не треснул случайно оказавшийся под чьей-то ногой сучок. Так что вроде бы ничего, кроме минной опасности, группе пока не угрожало. Тем временем Ляпин медленно вернул назад и поставил на землю приподнятую ногу, включил радиостанцию и, чувствуя, как забухало в груди сердце, повесил ремень автомата на шею. Затем левой рукой потянулся к рюкзаку, стягивая его на сторону и спешно отвязывая притороченный сбоку миноискатель. Но отвязать его оказалось не так-то просто. Приглушенно ругнувшись, Григорий окончательно стянул с плеч тяжело нагруженный «РР» и с осторожностью опустил его на землю. Сердце забухало еще сильнее. Стараясь успокоиться, сержант несколько раз медленно втянул носом воздух и не спеша начал распускать стягивающие миноискатель лямки. Вскоре «ИМП-2» был вынут, оставалось его собрать и подготовить к работе.

– Мины! – донеслось до командира едва слышимый возглас, и Гуревич тут же включил свою радиостанцию.

– Оставаться на местах! – Голос был сух и спокоен, но внутри уже угнездились и противно засвербело от ожидания беды. – Первый, доставай миноискатель! Прием.

– Уже, – послышалось в наушниках, и Ляпин опустил миноискатель к земле...

Вскоре Гуревичу поступил новый, неутешительный доклад:

– Командир, все звенит.

– Ясно. Щуп.

Очередной приказ, и вновь томительное ожидание. А лес жил своей жизнью: как обычно, в ветвях сновали птицы, вдалеке хоркал кабан, из кустов выглянула и снова спряталась енотовидная собака.

Щуп ткнулся в нечто твердое. Присев, Григорий осторожно разворошил почву, под тонким слоем грунта лежал обыкновенный серый камень. Он опустил щуп в сторону, и тот снова уткнулся в нечто твердое. На этот раз под дерном лежала еще одна противопехотная мина. Продолжая осматривать местность, сержант в течение двух минут нашел третью пзэмэнку. Глядя на вынутые из почвы изделия отечественного «ВПК», Григорий почувствовал, как спина покрывается влагой, да и на без того разгоряченном лице тоже выступили капли пота. Ляпин прижал к щеке микрофон:

– Минное поле, обнаружил три «ПМН-2».

– Всем достать шомпола!

На то, чтобы согласиться с выводами своего вперёдсмотрящего, много времени не потребовалось. Впрочем, отдать эту команду следовало сразу, как только была обнаружена первая мина. Самые смекалистые уже давно так и сделали.

Игорь тоже достал шомпол и аккуратно прощупал им почву у своих ног, затем его взгляд метнулся вперед:

– Ты что, идиот, делаешь? – прошипел Гуревич, увидев, как шедший впереди него Мыльцин тыкает шомполом землю. Боец, похоже, забывший все, чему его учили, дернулся и непонимающе оглянулся на своего командира. – Придурок, ты под каким углом шомпол держишь?

Тот разинул рот, глянул на собственные руки и, судорожно сглотнув, вновь принялся прощупывать почву. Но только делал он это теперь осторожно и правильно.

А капитан вздохнул и, сместившись на полшага вперед, вновь взялся за шомпол.

Доклады, поступившие от троек, были неутешительными – мины обнаружили почти все, в тыловом дозоре так сразу две. Так что в том, что они находились на минном поле, сомнений не было. Удивляло лишь невероятное везение – в растянутой на несколько десятков метров группе не случилось ни одного подрыва. Вот только удастся ли разведчикам безболезненно выйти отсюда – этого не мог знать никто. Гуревич начавший было корить себя за столь невнимательное отношение к карте минных полей, задумался, но так и не смог вспомнить о наличии мин именно на этом участке местности.

«Вдруг я ошибся?» – настойчиво свербело в его голове. На всякий случай капитан достал карту. Да нет, если верить ее обозначениям, то в том месте, где они сейчас стояли, минных полей действительно не было. Уж лучше бы оно на карте нашлось! Тогда, по крайней мере, можно было бы оценить его масштабы и наметить наиболее короткий выход с занимаемого им участка местности.

– Всем двигаться след в след! Григорий, миноискатель в зубы, и помечай только места, куда ставить ногу. Все меня поняли? Прием.

– Первый понял.

– Понял второй.

– Третий понял.

– Четвертый, – не нарушая заранее оговоренный порядок доклада, отрапортовали старшие троек.

– Тогда вперед. След в след, и не дай бог хоть одна сука... Сам добыю! Ясно?

– Так точно! – Тихий одинокий голос ответившего потонул в шелесте начинающей желтеть листвы, зашелестевшей под порывом налетевшего ветра.

Очень медленно группа выходила из минной ловушки. Алые кусочки материи, которой сержант Ляпин отмечал центр безопасных клочков земли, вдавливаясь в почву, постепенно исчезали под грязью наступающих подошв, а сам безопасный участок (хоть и старались идущие наступать след в след) расползался до величины полутора, а иногда и двух подошв в длину и не менее двух в ширину. Порой идущему в замыкании Чибисову оставалось только гадать, где у этой расплывшейся травяно-земляной кляксы центр. Впрочем, первое напряжение уже отхлынуло, и теперь к разведчикам возвращалось привычное состояние ожидания опасности – возможной, но совершенно необязательной.

Наконец оказавшаяся на южном склоне хребта относительно ровная площадка, чем-то отдаленно напоминающая ложбину, закончилась, и поверхность земли вдруг резко пошла вверх. Сержант Ляпин, за последние несколько десятков (если не сотню) метров ни разу не услышавший ставшего уже почти привычным писка миноискателя, остановился и уверенно доложил:

– Вышли.

– Точно? – на всякий случай уточнил командир группы, и еще не получив подтверждения, почувствовал, как тело начинает охватывать успокоительная слабость внезапно накатившей расслабухи. Захотелось сесть и хоть немного побыть в неподвижности.

– Да, – последовал короткий, лаконичный ответ, и тут же вполне раздался ожидаемый приказ командира:

– Продолжаем движение, привал через сто пятьдесят метров.

Прежде чем остановиться и дать возможность бойцам отдохнуть от только что пережитого напряжения, Гуревич хотел все же немного пройти вдоль склона.

– Ясно, – донеслось в ответ, и тут же в наушниках вновь послышался командирский голос:

– Конец связи. – И уже про себя Игорь подумал: «Уф, повезло». Лица коснулись холодные волны осеннего ветерка, Гуревич поправил рюкзак и отключил радиостанцию.

Двадцатиминутный привал, во время которого у группы наконец-то состоялся сеанс связи с «Центром», дал возможность группе Гуревича слегка отдышаться и восстановить силы. Кое-кто, если быть предельно откровенным, то подавляющее большинство, даже успело перекусить, а сам командир попить чайку и наметить дальнейший план действий, точнее – слегка их подкорректировать. Если раньше он планировал идти по краю хребта, то теперь решил и вовсе перебраться на очередной хребет и выйти к предполагаемой базе не по тому хребту, как планировал раньше, а по следующему, в надежде, что база окажется как раз между этими двумя хребтами, защищающими ее от возможного артиллерийского обстрела. Придя к такому решению, Гуревич вновь вызвал к себе своего заместителя.

– Саша, смотри, мы сейчас вот здесь, – доставший карту капитан начал объяснять свою задумку сразу же, как только сержант Ляпин предстал перед его очами, – берешь влево, спускаешься вниз и сразу выползаешь на соседний хребет. Поднимаешься до середины ската и продолжаешь топать в западном направлении. База должна быть где-то поблизости. – При этих словах Ляпин скептически хмыкнул, а Гуревич, пожав плечами, был вынужден согласиться с его сомнениями. – Если она вообще есть. Хотя какой смысл подкармливать кабанов в десятке верст от базы?

– Ну, да, – теперь уже согласился с командиром Ляпин. – В общем, я держу ушки на макушке.

– И не спеши, – положив руку на плечо, не столько посоветовал, сколько попросил Гуревич. – Действуй аккуратно.

– Как всегда, – Григорий попробовал улыбнуться. Но улыбка получилась какая-то неестественная, кривоватая. Поднявшись, он поспешил к своей тройке.

– Выход через пять минут, – тихо сказал ему вслед командир, и Ляпин, не оборачиваясь, поднял руку – «мол, понял и принял к сведению». Вскоре он скрылся в укрывающем группу кустарнике.

Удивительно, но первые разведывательные признаки находящегося поблизости противника заметил не Ляпин, не кто-то из прочих бывалых разведчиков, а неопытный, первый раз идущий с группой рядовой Максим Мельников. Может быть поэтому на раздавшееся из его уст «чи» в первый момент никто не обратил внимания; когда же он повторил свое «чи» снова, полгруппы замерло одновременно, а у шедшего неподалеку Гуревича появилось жуткое желание оттянуть бойца чем-нибудь тяжелым. «Чи» Мельникова, наверное, разбудило половину леса и заставило зайтись барабанным боем не одно сердце.

«Прибыю!» – яростно шагнув к замершему в неподвижности новичку, подумал капитан, впрочем, не собираясь пока приводить свою угрозу в исполнение, вот только если вдруг выяснится, что это «чи» слышали и боевики, тогда да.... Но капитан Гуревич предпочитал считать, что этого не случилось.

– Что орешь? – злобно зашипел группник, ухватив за плечо и встряхнув испуганно дернувшегося бойца. – Ты что, охренел? Ты где находишься? – Голос капитана в этот момент походил на шипение гадюки.

– Я, тут... вон там, – рука бойца приподнялась, указывая куда-то в глубину леса.

Группник взглянул вдоль продолжения линии руки и в первое мгновение ничего не увидел. Он хотел было уже скомандовать «движение вперед», но, бросив косой взгляд на все еще стоявшего с поднятой рукой бойца, все же повторно проследил за направлением его указующей руки. На этот раз Игорь всматривался гораздо дольше, и точно, Мельников оказался прав – что-то выпадало из привычного лесного пейзажа. Что-то создавало едва заметную дисгармонию, что-то такое, за что цеплялся и никак не мог вычлениить из общей картины окружающего пейзажа уже, возможно, «замылившийся» за этот день глаз группника. Наконец до Гуревича дошло, что именно привлекло внимание разведчика.

– Черт! – скорее мысленно, чем вслух, выругался он и, предостерегающе подняв вверх левую руку, сжал ладонь в кулак, после чего осторожно шагнул в сторону подозрительного «объекта». Оружие на изготовку, предохранитель плавно ушел вниз. Он продвигался шаг за шагом в готовности открыть огонь и одним прыжком уйти за спасительные стволы деревьев.

Чуть впереди справа (метрах в тридцати) виднелся небольшой бугорок со склонившейся, словно примятой посередине травой. Примятой так, будто кто-то время от времени клал туда нечто. Впрочем, что это за «нечто», Игорь уже понял и иллюзий не строил. Подходя к «бугорку», он окончательно осознал, что они едва не напоролись на вражескую фишку. Точнее, напоролись бы, окажись на ней наблюдатель.

Приблизившись к подозрительному месту, Гуревич понял, что он не ошибался: за небольшим бугорком, скорее даже укрытой дерном насыпью, находился узкий, не глубокий, но длинный окопчик, тянувшийся вниз по склону и обрывавшийся за небольшой складкой местности.

Выругавшись, капитан тщательно осмотрелся по сторонам, затем тем же путем возвратился к ожидавшей его указаний группе. И встал в общий строй, не поворачиваясь к стоявшим за спиной бойцам, развел руки в стороны – «рассредоточиться», «включить радиостанции», затем шагнул к сержанту Ляпину и прошептал ему едва ли не в ухо:

– Фишка, пустая; возможно, база совсем рядом. Медленно, очень медленно вперед.

– Понял, – Григорий кивнул, скинул на землю рюкзак и, стараясь не издавать ни звука, двинулся дальше...

Первые признаки базы показались метрах в семидесяти от пустующей фишки. Но то, что она оказалась брошена, стало понятно сразу – по ее территории гулял ветер, таская из стороны в сторону полиэтиленовые пакеты и пустые пакетики из-под продуктов быстрого приготовления. Повсюду царило запустение. У входа в какое-то строение виднелся след от просыпанной муки. Едва ли не в центре базы за небольшим кустом валялись две пары еще вполне пригодных для носки ботинок, дырявые носилки стояли чуть в стороне, у небольшого дерева, следы старой запекшейся на брезенте крови говорили о том, что на них когда-то перетаскивали раненого. Немного дальше валялся цинк из-под ВОГов, в белом, побитом ржавчиной мешочке, брошенном там же, лежали несколько сотен покрытых окисью и уже совершенно не пригодных к стрельбе патронов «пять сорок пять». Когда же Гуревич и сопровождающий его сержант Ляпин со всеми предосторожностями вошли в ограниченный полупрофильными окопами периметр, стало окончательно ясно, что база брошена совсем недавно, считанные часы, если не минуты, назад. И как подтверждение этому в не залитом до конца очаге «чеховской» кухни все еще виднелись малиновые искорки жара.

– Спугнули, – вслух подумал Гуревич и, продолжая изучать окружающую обстановку, поставил оружие на предохранитель. В душе появилась уверенность, что появление противника не предвидится. Ляпин тем временем осторожно осматривал полуземляночные помещения и укрытия. Но ничего ценного на базе не было.

– Может, вызвать артуху? – предложил выглянувший из очередного схрона Григорий.

– А толку? – хмыкнул капитан. – Они, может, уже час назад как вышли.

– И то верно, – сообразив, что сморозил глупость, сержант смутился.

– Уходим! – скомандовал Гуревич, которому увиденное уже позволило сделать вывод, что бандиты хоть и покинули базу совсем недавно, но уходили не в спешке, спокойно забирая с собой все мало-мальски ценное.

«Хорошо хоть все вокруг не заминировали», – эта мысль пришла к Игорю уже после того, как они снова оказались за периметром базы. И хотя на ее территорию они с Ляпиным входили со всей возможной осторожностью, используя при этом миноискатель, гарантией от подрыва он, увы, не являлся. Любой боец из группы капитана Гуревича знал большое количество способов обмануть это средство минной разведки.

– Все, Гриша, разворачивай оглобли, топаем в обратную сторону.

– Куда с утра шли? – на всякий случай уточнил Ляпин, и Гуревич в подтверждение кивнул.

– Только не расслабляйся. Мало ли куда и зачем поперлись эти «чехи». Может, где еще и пересечемся.

– Я понял, – в этот момент они подошли к основной части группы. Игорь молча занял свое место в строю, а Григорий, подхватив рюкзак, махнул рукой «следуем за мной» глядящим в его сторону старшим троек и поспешил в обратном направлении. Группа, изгибаясь подобно змее, потащилась вслед за уходящим Ляпиным, а капитана Гуревича начали терзать навязчивые раздумья.

«Значит, заметили, и уже давно, – Игорю вспомнилось «нечто», показавшееся Мельникову еще там, перед кабаньей тропой. Но тогда они ничего не нашли, не заметили. Но это ровным счетом ничего не значило. Противник вполне мог отойти, не оставив никаких следов. – Жаль, жаль, что так получилось, эту базу вполне можно было взять»... – появившееся чувство досады тут же было вытеснено воспоминаниями о провороненной вражеской фишке. И все сразу перевернулось с ног на голову. Не заметь их противник раньше, и неизвестно еще, как бы все получилось. Ничего хорошего бы уж точно не было, выйди Ляпин со своей тройкой на вражеское охранение. Подумав об этом, Гуревич заставил себя прогнать пустые рассуждение и полностью сосредоточился на продолжающей движение группе.

Боевики

Небольшой отряд боевиков численностью, едва достигавшей полутора десятков человек, быстрым маршем отходил на северо-запад. Младший брат Ибрагима Келоева Идрис, ведущий отряд, нет-нет да и прислушивался к окружающему лесу. Когда где-либо слышался подозрительный звук, выражение озабоченности, все время не сходившее с его лица, сменилось испугом. Но в лесу, продолжавшем жить своей жизнью, вновь устанавливалась тишина, и тогда Идрис вновь успокаивался.

– Повезло, – почти вслух рассуждал младший Келоев, вспоминая время, предшествующее их уходу. – Повезло, что наблюдатель, оставленный на хребте, не проспал и вовремя заметил группу спецназа, рыскающую неподалеку от их базы. Можно было, конечно, дожидаться и встретить русских всей мощью оружия, но младший Келоев, как, впрочем, и все в их роду, слыл мудрым и попусту рисковать не спешил. Любой открытый бой со спецнами не сулил ничего хорошего, и Идрис, излишне не геройствуя, принял решение покинуть насиженное местечко и увести свой отряд на основную базу – к брату.

Группа капитана Гуревича

Разведчики по большой дуге обогнули заминированный участок и наконец выбрались к изначально определенному месту засады.

– Все, стоп колеса! – приглядев подходящее местечко, капитан Гуревич поднял руку, останавливая своих бойцов. – Привал. Организуем засаду. – И уже про себя подумал: «Дневку и отдых. А вообще-то пора заканчивать с войнушкой. Хватит. Сегодня был крайний раз. Может, и хорошо, что «чехи» ушли. Черт с ними! Все, хватит воевать, следующее боевое задание выхожу в лес и сижу на попе ровно. Бойцам, да и мне надо домой».

С этими мыслями Гуревич скинул рюкзак, отстегнул от него коврик, расстелил его на земле и, продолжая наблюдать, как суетящиеся бойцы занимают круговую оборону, принялся готовиться к ужину...

Ночь, утренний подъем, несколько часов поиска, и к обеду следующего дня группа капитана Гуревича в полном составе вышла к месту эвакуации, после чего благополучно прибыла в пункт временной дислокации.

Боевики

Не успел отряд Келоева как следует выспаться и отдохнуть от ночного перехода, как Идрису стало известно, что ему и его брату (совсем недавно получившему в свое распоряжение, как дополнение к уже имеющимся воинам, хорошо слаженную группу в два десятка моджахедов) от высшего руководства поступило срочное распоряжение. Теперь братьям Келоевым предстояло выдвинуться в . . . ий район, оборудовать там хорошо укрепленную базу и совместно с полученным подкреплением ждать очередного приказа. Что это за приказ и зачем отряду братьев Келоевых требовалось дополнительно подкрепление, ни Идрис, ни его брат Ибрагим не имели ни малейшего представления. Тем не менее они живо включились в предстоящую работу. Обсуждать приказы у них было не принято.

Рядовой Григорий Ляпин

Ляпину не спалось. Возможно, потому, что он неплохо выспался предыдущей ночью, когда группа сидела в засаде (тем более что переход к месту эвакуации не занял слишком много времени и не был утомителен), но скорее всего бессонница была вызвана вдруг отчетливо всплывшими воспоминаниями.

«Что заставило меня именно в этот момент опустить взгляд? – сам себя спрашивал Григорий. – Что? – Он вновь и вновь задавал себе этот вопрос, понимая, что вчера какое-то время находился на грани жизни и смерти. – И впрямь, что?»

Увы, он не смог бы сказать этого даже сегодня, хотя уже сто раз вспоминал, анализировал, просчитывал, продумывал ситуацию. Сказать, что просто повезло? Нет, вряд ли. Может, просто не судьба или еще что? Как бы то ни было, но чуть заметная полоска коричневого корпуса мины бросилась ему в глаза и заставила замереть с уже приподнятой для следующего шага ногой. Как, каким образом Григорий смог отличить едва видимый, коричневый, заляпанный грязью ободок мины от выползшего на поверхность корневища, этого не понять. Но отличил, замер, застыл, приподняв ногу, не смея пошевелиться. При воспоминании об этом моменте по спине пробежал холодок. Да, Григорий никогда не исключал вероятности подрыва и потому всегда старался ходить правильно, так, как учили. Но ни один из учителей, да и вообще никто и никогда не мог гарантировать, что мина не окажется там, где ее никоим образом не должно быть. Его величество случай главенствовал в этом мире, и потому Гриша с самого первого дня морально готовил себя к подобной ситуации. Готовил, но как любой нормальный человек верил в лучшее. Но сейчас воспоминания о том моменте заставляли его зябко поеживаться. За почти шесть месяцев командировки ему не первый раз приходилось сталкиваться с расставленными по горам минами – и нашими промышленными и «чеховскими» самодельными нажимниками, но никогда еще его нога не была столь близко от расставленной ловушки.

Ночь уже давно вступила в свои права, а Григорий лежал и все думал. Его мысли плавно перетекли от событий сегодняшних дней к мыслям о солдатах той, давно отгремевшей войны, о тех, кто был вынужден гибнуть за день, за час, за секунду до победы. За одну секунду – всего за одну, но могла ли состояться без этой жертвы та столь долгожданная Победа? Вот и мы... Мысль, мелькнувшая в сознании Григория, погасла под неумолимо надвинувшимся сном.

За пологом палатки шумел ветер, где-то в районе вещевого склада лаяла отрядная собачонка, приглушенно гудел работающий на задворках дизель, под ногами топтавшегося у грибка дневального скрипела галька. Гришка перевернулся на бок, что-то неразборчиво, едва слышно пробормотал во сне. В палатке воцарилась относительная тишина...

Полковник Черных

Полковник Черных не мог скрыть своего разочарования. Похоже, на этот раз друзья-соперники из ФСБ сумели обойти его на повороте, прочно взяв инициативу в новом и столь перспективном для разработки деле. Правда, и у фээсбэшников в последний момент возникли проблемы, раз те были вынуждены запросить помощи у военных разведчиков...

– Значит, Шейх на территории Чечни?

Раздражения в голосе полковника только прибавилось. Его взгляд скользнул по лежащему на столе блокноту, по остро отточенным карандашам, по перекидному календарю, пепельнице, по стопке испещренных мелкими значками карт и, ни на чем не задержавшись, устремился к неподвижно замершему в кресле подполковнику ГРУ Остапенко. Это он только что принес так взволновавшую начальника информацию.

– По словам Ярцева – да, – ответил Остапенко, и Черных удовлетворенно кивнул. Ярцев – полковник ФСБ обычно слов на ветер не бросал.

– Почему же у нас по нему информации нет ни из одного источника?

– Уже есть, – возразил подполковник. – Я не успел доложить, но два часа назад получен перехват сеанса радиосвязи, один из корреспондентов – Шейх.

– Кто второй? – Почему-то этот вопрос сейчас интересовал полковника больше всего.

– Не установлено, но наши аналитики предполагают вероятность связи абонента с самим Шамилем Басаевым.

– Уверенности в этом нет?

– Нет, – отрицательно качнул головой подполковник и, стараясь усесться поудобнее, закинул ногу на ногу.

– Интересно девки пляшут... – Черных поднялся из-за стола и, заложив руки за спину, не спеша стал прогуливаться по комнате. – Что было сказано?

– Ничего такого, из чего можно было бы сделать определенные выводы. Скорее кодовые слова и фразы, не поддающиеся расшифровке. К тому же я не думаю, что они решились бы обсуждать что-либо существенное.

– Пожалуй, ты прав. Но все равно пусть наши ребята малость поломают голову над дешифровкой; может, у них что и получится, – потребовал полковник, впрочем, энтузиазма в его голосе не было.

– Они работают, – заверил его Остапенко. Ему тоже хотелось, чтобы из этой затеи что-нибудь получилось, но самому подполковнику, как, собственно, и его шефу, в это не верилось.

– Так, а что от нас хотят господа из соседнего ведомства? – Черных снова уселся за стол и, взяв ручку, раскрыл блокнот. Записывать он ничего не собирался, а сделал это чисто механически по давней устоявшейся привычке.

– Они просят нас сделать все возможное воспрепятствованию проникновения денег на территорию России.

– Так, так, так... Значит, теракт уже подготовлен, осталось получить аванс. – Сделав неизбежный вывод, полковник Черных выдвинул один из ящиков, достал оттуда пачку сигарет и, прикурив от вынутой из кармана зажигалки, глубоко затянулся. – Сколько дней им требуется, чтобы выявить и перехватить исполнителей?

– Они просят пять.

– А они понимают, что мы не можем им этого гарантировать? Что мы не в состоянии оцепить весь лес и перекрыть все дороги?

– Да. Ярцев вполне отдает себе отчет в том, что, возможно, Шейху удастся преодолеть все заслоны и доставить аванс до адресата. Он уверен только в одном: Шейх никогда не выпу-

стит кассу из своих рук, а значит, пока он будет оставаться на территории Чечни, теракт не состоится.

– Относительно Шейха, я, пожалуй, с ним соглашусь, а вот насчет невозможности терактов... пожалуй, тут он излишне оптимистичен. Но все же буду надеяться, что он прав. Кстати, где были отмечены засечки выхода в эфир? – Полковник взял одну из лежащих на столе карт и, развернув, придавил ее задранный вверх угол пепельницей.

– Здесь, – подошедший к столу Остапенко ткнул в карту любезно предоставленным карандашом.

– Получается, что наиболее вероятные пути дальнейшего передвижения кассира где-то в пределах вот этого района, – полковник взял второй карандаш и обрисовал на карте сильно вытянутый эллипс. – Не знаю, получится ли у нас задержать Шейха на испрашиваемые пять-шесть суток, но теперь, когда мы знаем, куда он направляется... – Сказав это, Черных замолчал и, подняв взгляд, посмотрел в лицо нависавшего над картой Остапенко, при этом глаза полковника блеснули от азарта. – ...Мы можем попытаться захватить его в плен или уничтожить, – закончил мысль за своего начальника подполковник и довольно прищурился. – Готовить обоснование для боевого распоряжения?

– Готовь, только упаси Боже упоминать истинную причину столь поспешно предпринимаемых действий.

– Естественно.

– Подполковнику Трясунову, он как раз находится сейчас в группировке, сообщишь лично. Пусть сегодня же убудет в отряд и начнет подготовку групп. Предварительно выход на задание послезавтра. Окончательная постановка задач состоится здесь, или же я сам прибуду в отряд. – И уже вслед направившемуся к дверям подполковнику проговорил: – Что ж, может быть, мы еще сумеем утереть нос нашим друзьям-товарищам...

Остапенко обернулся, неопределенно пожал плечами и проследовал дальше. Увы, но он не разделял оптимизма собственного начальника.

Пункт временной дислокации отряда специального назначения

У командира отряда подполковника Трясунова с утра ужасно раскалывалась голова. Что явилось причиной этой головной боли, было неизвестно; возможно, ею стала беспрестанно меняющаяся погода, а возможно, подступающая простуда, вторым признаком которой был все усиливающийся насморк. Как бы в подтверждение доводов о простуде комбат громко чихнул, вытер нос лежавшим на прикроватной тумбочке носовым платком и, проклиная так неожиданно навалившуюся болезнь, потянулся рукой к трубке стоявшего на столике телефона. Голова раскалывалась все сильнее.

– Дежурный по части старший прапорщик Косыгин слушает! – отозвались на том конце провода, и комбат невольно поморщился.

– Косыгин, – продолжая морщиться, Трясунов прикрыл глаза, – вызови мне майора Фадеева.

– Есть! – молодцевато ответил дежурный и, положив трубку, тут же окликнул сидевшего у выхода из палатки посыльного. – Ленка, ротного к комбату!

Рядовой контрактной службы из группы капитана Гуревича Леонид Чибисов, выказывая свою независимость, лениво поднялся и, покосившись на лежавший подле Косыгина «демократизатор» – старую бейсбольную битку, направился к двери. Независимость независимостью, а попадать под тяжелую «отеческую» руку старшины не хотелось. Едва выглянув в приоткрытую дверь, Чибисов выцепил взглядом скупающую под грибком фигуру и, особо не напрягаясь, рывкнул:

– Дневальный!

– Че орешь? – отозвалась фигура в зеленом, выпотрошенном от броневых пластин бронжилете. Каска, опущенная едва ли не на нос, приподнялась, показав сонные глаза рядового Василия Быкова.

– Васька, ротного к комбату! – Голос Леонида звучал уже не так уверенно.

– Да пшел ты...

– Васька, хватит херней маяться, вызывай! – Сбавив голос еще на полтона, Чибисов посмотрел на устилающие небо облака и, не дожидаясь очередного посыла, юркнул обратно в палатку.

«И где это Мыльцын до сих пор лазит?» – помянув недобрым словом второго посыльного, уже минут как двадцать умчавшегося в автопарк и до сих пор не вернувшегося, Ленка плюхнулся на стоявшую у дверей деревянную скамейку и погрузился в собственные мысли. А думать ему было о чем: командировка заканчивалась, и следовало уже окончательно решить: ехать вместе со всеми или оставаться на еще один срок. С одной стороны, хотелось домой, слегка оторваться и расслабиться; с другой – подзаработать, поднакопить еще малость денежек. Но боевые просто так, за красивые глаза, не закрывались. А костлявая уже дважды проносилась мимо никак не желающего попадать в ее объятия Чибисова. Да, уже дважды. Первый раз, когда на одном из боевых заданий выскочивший прямо на него «чех» каким-то чудом умудрился промазать; и второй – когда Ленке при организации засады удалось заметить тянущуюся по траве растяжку. Проведя какое-то время в раздумьях, Леонид наконец решил прекратить свои бесплодные рассуждения.

«Вот схожу еще на одно задание, тогда и определюсь». – Сделав такой вывод, он откинулся спиной на деревянный кол палатки и, взглянув на безмятежно читающего книгу Косыгина, закрыл глаза...

«И где меня угораздило простудиться? Может, просквозило, пока возвращался в ПВД? – Комбат в очередной раз потянулся за носовым платком. – Из группировки ехал, сидя в кабине «Урала». Вроде бы нигде не мерз... Хреновина какая-то. Башка трещит, как... Может быть, залудить чекушку и лечь спать? Так и сделаю. Денек-другой отлежусь. На Андрея, – Трясунов помянул начальника штаба майора Грелкина, – все спихну, пусть рулит».

– Разрешите? – размышления командира отряда прервал скрип раскрывающейся двери, и на пороге комнаты возникла фигура майора Фадеева, командира первой роты разведки специального назначения.

– Входи, – Трясунов кивнул, отчего в его виски будто вонзились огненные иглы. Он поморщился, но, сдержав желание выругаться, показал вошедшему на стоявший напротив стола стул. – Присаживайся.

С трудом дождавшись, когда приглашенный усядется, командир отряда, преодолевая бушующую в голове боль, принялся разъяснять ему нюансы предстоящей боевой задачи...

А получасом позже уже майор Фадеев, склонившись к расстеленной на столе карте, объяснял ту же самую задачу подчиненным ему офицерам.

– Здесь и здесь, – карандаш в руке майора дважды ткнулся в тонкие извилистые линии высот, – произведены засечки выхода в эфир корреспондента с позывным «Шейх».

Стоявшие вокруг ротного командира разведывательных групп – капитан Игорь Гуревич, старшие лейтенанты Станислав Крушинин, Леонид Левиков и старший прапорщик Сергей Ефимов – недоумевающе переглянулись. Мало ли «Ханов», «Арабов» и прочей шелупони каждый день выходит в эфир на просторах Ичкерии? По сто раз на дню. И если из-за каждого дергаться...

– Шейх, – качнув головой, усмехнулся капитан Гуревич, командир первой разведгруппы. – Не слишком оригинально.

– Зато соответствует содержанию, – заверил его Фадеев и, не давая группникам возможности прийти к какому-либо выводу, продолжил: – По агентурным данным, этот позывной принадлежит басаевскому кассиру... – Нагнувшись и опершись на стол руками, он замолчал, а его взгляд медленно заскользил по зелено-коричневому развороту карты, испещренному многочисленными значками вражеских баз, минных полей и прочая, прочая, прочая.

– Ну и? – Стоявший бок о бок с командиром старший прапорщик Ефимов, вопросительно вскинув подбородок, прервал затянувшееся молчание.

– По полученным сведениям, в центральных областях России «чехи» готовят очередной «грандиозный» теракт...

Майор снова умолк. Сегодня он явно пребывал в непривычной для него задумчивой рассеянности. Казалось, слова вязли на его зубах и никак не желали срываться с языка. Меж тем этот его ответ так и не внес ожидаемой ясности.

– А мы тут каким боком?

Капитан Гуревич взял лежавшую на столе указку и, заложив руку за спину, сделал пару фехтовальных выпадов в сторону сидевшего за соседним столом дежурного по части, старшего прапорщика Косыгина. Но тот не повел и бровью, и Игорь, явно огорчившись его безразличию, положил указку на стол. А Фадеев наконец-то оторвался от созерцания картографического рельефа и пояснил:

– Тот же источник сообщил, что для проведения террористического акта якобы все уже давно подготовлено. Но, чтобы что-то где-то грохнуло, требуется финансирование. Теракт состоится, как только будет выплачен аванс.

После этих слов ротного Гуревич крутанул указку, словно это было веретено, и вновь усмехнулся:

– Понятно. Значит, борцам за веру одной веры маловато. Без бабла ну никак.

– Естественно, Игорек, естественно, – согласился с ним Фадеев. – Каждый бандит мечтает жить красиво. А если о теракте узнает весь мир, то его исполнителям хватит и на постройку дома, и на покупку престижного авто, и на жену.

– Значит, будем снова носиться по горам без продыха? – без особого энтузиазма то ли уточнил, то ли констатировал Ефимов. На что Фадеев в знак согласия кивнул.

– Угу, – и опять, в который уже раз уставился в расстеленную на столе карту, точнее, в ту ее часть, где извилистой жирной линией была обведена зона ответственности отряда. А покосившийся на него Гуревич хмыкнул:

– Да хрен ты его поймаешь! – Скепсиса в голосе группника хватило бы на десяток самых отъявленных пессимистов.

– А перед нами такой цели пока и не ставится, – отозвался Фадеев. Окончательно оторвавшись от созерцания карты, он оттолкнулся от стола руками и выпрямился. – Наша задача не столь грандиозна. Самое большое, что от нас требуется – перекрыв пути продвижения Шейха, задержать его на чеченской территории на лишние семь-восемь дней.

Все смотрели вопросительно, и ротный, сунув карандаш в нагрудный карман, был вынужден пояснить:

– Насколько я понимаю, у фээсбэшников имеются какие-то наработки. То есть, чтобы завершить начатое и предотвратить теракт, им не хватает лишь времени.

– Тогда вопросов нет. – Ефимов повернулся, чтобы выйти, сделал шаг вперед, затем внезапно остановился и, словно спохватившись, вновь повернулся лицом к ротному: – Вадим, Б/З когда и на сколько?

– Завтра. Боевое распоряжение уже пришло. Оперативные дела готовят. Сейчас карту распечатают, и где-то, – Фадеев взглянул на часы, – через час будете «принимать» решение.

– Понятно, – протянул Ефимов, и чтобы его «понятно» было логически завершено, добавил: – Значит, пошли обедать, – и, подмигнув Косыгину, двинулся к выходу из палатки ЦБУ.

– Ступайте, – махнул рукой Фадеев, оставаясь стоять на месте, – а мне еще к комбату на пять секунд заглянуть надо.

– Смотри, Вадим, все сожрем и тебе ничего не оставим! – не оборачиваясь, бросил Ефимов, и вышел наружу. Следом, обогнав прочих «на повороте», шмыгнул Леонид Левиков.

– Завтра, черт. Странно, что не на сегодня, – бурчал капитан Гуревич, направлялась вслед за ушедшими, а шагавший рядом с ним старший лейтенант Крушинин обернулся и запоздало уточнил:

– А какие группы идут первыми?

– Все, – отрезал так и оставшийся стоять подле карты Фадеев и, по-видимому, для того, чтобы предупредить дальнейшие вопросы, добавил: – Кроме Левикова. Я иду командиром отряда, с кем именно – решу позже. Идем на семь дней.

– Ни хренасеньки! – присвистнул Крушинин, незаметно цапнул со стола дежурного красную гелевую ручку и, слегка подбодрившись от этой шалости, поспешил догнать Игоря, уже откидывающего брезентовый полог, закрывавший собой деревянную входную дверь.

За пределами помещения дул прохладный осенний ветер. Его порывы заставляли палатки вздрагивать брезентовыми боками, а развевавшиеся над ПВД флаги – хлопать и трепетать. По небу, словно убоявшись наступающей с запада стихии, на восток стремительно летела большая стая воронов. Вышедший наружу Гуревич на мгновение прищурился, привыкая к более яркому освещению, зябко передернув плечами, распрямился и, не дожидаясь, когда на свежем воздухе окажется чуть приотставший Крушинин, вслед за Ефимовым направился к офицерской столовой.

Между тем становилось все пасмурнее. Темные тяжелые облака, медленно тянувшиеся с запада и обещавшие скорый дождь, уже закрыли большую часть небосвода. И только далеко

на северо-востоке, у самого горизонта, все еще оставалась узкая, свободная от туч и, наверное, потому пронзительно голубая линия. Пока сверху не упало ни капли, но уже на юго-западе, там, откуда, завывая двигателями, тянулась бесконечная бронеколонна пехотного полка, виднелись свисающие вниз седые космы изливающихся на землю водяных потоков. Хмарь все сильнее окутывала окружающее пространство. Казалось, еще чуть-чуть, и долину поглотят пасмурные сумерки, но тут, совершенно неожиданно, разгоняя наступающую тьму, сквозь прореху туч выглянуло блеклое солнце. Всего на пару мгновений рассыпавшись своими радужными лучами по падающим каплям, оно осветило землю и вновь спряталось, а невольно залюбовавшийся радугой Гуревич перестал смотреть под ноги – вколотенный в землю «столбик» артиллерийской гильзы подвернулся под левую стопу капитана совершенно естественным и ненавязчивым образом.

– Есть! – бодро, даже почти радостно констатировал только сейчас выбравшийся из палатки ЦБУ Крушинин. Он захихикал, видя, как Игорь, взмахнув руками, едва не повалился на землю.

– Едрен батон! – Чудом удержав равновесие, Гуревич подобрал слетевшую с головы кепку и нарочито сердито зыркнул в сторону довольно улыбающегося старлея.

– Лыбся, лыбся! – Игорь нагнулся, поднял с земли первый попавшийся камешек, подбросил на руке, оценивая вес, прицелился в сторону Крушинина и, изобразив замах, бросил его под ноги. После чего, вздохнув, снисходительно буркнул: – Ладно, живи! – И, не дожидаясь ответной реплики, потопал дальше.

Дорожка, вымощенная камнем, огороженная вбитыми в землю гильзами длиной всего ничего – каких-то тридцать-сорок метров, заканчивалась прямоугольной площадкой, которая своей северной стороной вплотную примыкала к офицерской столовой, представлявшей собой обычную брезентовую палатку. Не новую, но вполне приличную, еще не потрепанную «жизнью» и погодными условиями. Перед самым входом в нее лежала большая металлическая решетка для чистки обуви, а слева, врытые глубоко в землю, возвышались два гладко оструганных деревянных столба, соединенные между собой деревянной же перекладиной. На одном из них висел обычный алюминиевый однососковый рукомойник, на втором на больших гвоздях трепыхалось под порывами налетающего ветра белое армейское полотенце. А в приколотенной к перекладине пластмассовой мыльнице лежало тоже белое армейское туалетное мыло.

Подойдя к умывальнику, Игорь намылил руки, сполоснул их, тщательно вытер полотенцем и только после этого шагнул в помещение столовой. В нос сразу же шибанул умопомрачительный запах настоящего украинского борща.

– Офигеть и не встать! – Выразив подобным образом свои эмоции, он снял, и повесил на вешалку кепку и направился к уже сидевшему за столом Ефимову.

– Как на вкус?

– Могло быть и лучше! – ответил Сергей, помешивая ложкой ярко-бордовое, слегка приправленное сметаной варево. Похоже, восторгов Гуревича по поводу приготовленного блюда он не разделял.

А из-за перегородки раздаточной уже появился рядовой Серегин – срочник из взвода материального обеспечения, время от времени выполнявший обязанности официанта. Неся на вытянутых руках поднос с четырьмя дымящимися порциями первого, он сразу же направился к столу, за который усаживался капитан Гуревич.

– Спасибо! – принимая тарелку, поблагодарил капитан и, поставив на стол, тут же запустил ложку в ее ароматное содержимое.

– И мне тарелочку ставь! – весело потребовал появившийся в дверях старший лейтенант Крушинин.

– Этого можно вообще не кормить! – довольно осклабился сидевший за соседним столом командир роты связи капитан Воробьев. – Давай, шеф, тащи лучше сюда!

Солдатик, уже было вознамерившийся снять с подноса еще одну порцию, замер.

– Но, но! – запротестовал вновь прибывший и, не снимая кепки, спешно подрулил к замешкавшемуся Серегину. Широко ухмыльнувшись, он, не обращая внимания на протестующие возгласы дождавшегося своей пайки Григория, ухватил с подноса тарелку с борщом и, плюхнув ее на стол, опустился на пустующий стул.

– Ну, как оно вам? – спросил он, беря ложку и примериваясь к кусочкам тонко порезанного хлеба. Смятая кепка почти сама собой очутилась на спинке стула.

– Ничего, сойдет, но могло быть и лучше, – повторил слова Ефимова Гуревич. – Капустка квашеная подкачала, а так ничего.

– Да я тебя о капусте, что ли, спрашиваю? Во, дает! Вы только о жратве и думаете! – Скорчив презрительную гримасу, Станислав зачерпнул полную ложку и потащил ее в рот. На полпути остановил руку, осторожно подул на горячий борщ и наконец-то соблаговолил пояснить свою мысль: – Да я вас про Б/З спрашиваю, а вы мне о борще рассказываете! – Содержимое ложки наконец-то достигло его губ.

– А ничего себе борщик! – несколькими секундами спустя похвалил он. Затем вопросительно взглянул на своих друзей, ожидая их реплики, но, так и не дождавшись, принялся развивать свою мысль дальше: – Интересно, как они себе это представляют? – Он снова хлебнул борща. – На недельку задержать... – хмыканье и качание головой. – Дурдом! Что с того, что мы перекроем три участка местности? Ему что, путей других не будет? В конце концов, он же не попрется в голове колонны?! У него в охране, я думаю, не одни дураки ходят! Одного навернем, а остальные сделают ноги.

– Слушай, Слава, дай пожрать! – не выдержав, перебил его монолог капитан Гуревич. – Какая тебе, на хрен, разница, можем мы его задержать или не можем. Короче, ешь давай и нам не мешай. Повезет – грохнем, получим по медальке; не повезет – свежим воздухом подышим.

– Я же говорил, не надо было ему борща давать! – вмешался в их диалог командир роты связи. – Сейчас бы выгнали на улицу, и сидели себе спокойно... – Воробьев, как всегда, был до невозможности добр.

– Да, я думаю, и сейчас не поздно! – охотно поддержал его мысль Игорь.

– Но, но! – опять запротестовал Крушинин, и его неожиданно поддержал появившийся в столовке и слышавший последние реплики Фадеев:

– Нет, нельзя!

– Правильно, товарищ майор! – приободрился старший лейтенант, никак не ожидавший от него такой помощи.

– Нельзя, – повторился Фадеев и, улыбнувшись, подсел к сидевшему в одиночестве Григорию, – все равно он в тарелку со своей немытой рожей уже влез. Не выливать же теперь!

– И вы, товарищ майор, туда же! – нарочно официально и одновременно как бы обиженно пробурчал Крушинин. – Но я все одно скажу, – он поднял ложку вверх и, потрясая ей в воздухе, торжественно озвучил свою только что пришедшую ему в голову мысль: – Давайте так: если возьмем «кассира», вам – ордена и медали, а мне – содержимое его чемодана.

– Боюсь, к раздаче ты опоздаешь! – заметил молчавший до сих пор Ефимов.

– Это почему же? – непритворно удивился Крушинин.

– Да потому – кто первый встал, того и тапки. Одним словом, кому улыбнется удача, тому и пирожок с полочки! – пояснил Сергей и принялся за только что принесенное ему второе.

– А я думаю, что в лучшем случае «победителя» ждут только награды, а что касается бабла, то наверняка все уже давно подсчитано и на все «бабки» уже готова грамотно составленная опись. Так что можете забыть про свои миллионы. И бойцам скажите, чтобы укоротили

свои шаловливые ручонки, а то как бы чего не вышло! Наизнанку всех вывернут. К ядерной фене.

– Вот так всегда. Даже и помечтать не дадут! – притворно огорчившись, выдохнул Станислав, и тут же забыв про свою «обиду», принялся с усердием наворачивать остывающий борщ.

Майор Фадеев поглощал пищу с той непостижимой быстротой, которая присуща лишь людям, долгое время вынужденным укладываться в кратчайшие временные рамки; даже Ефимову, всегда считавшему свою манеру есть до неприличия быстро, было далеко до ротного. Не сильно отставали от них и более молодые офицеры – группники. Так что когда степенно попивающий чай Воробьев потянулся за очередной печенкой, офицерско-прапорский состав первой разведывательной роты специального назначения потянулся к выходу.

На площадке перед столовой стоял старший прапорщик Косыгин. Он поглядывал по сторонам и неспешно затягивался уже наполовину выкуренной сигаретой. Кабура на ремне портупеи свешивалась едва ли не до середины бедра. Значок дежурного, расстегнувшись, был готов в любой момент шлепнуться в грязь, а висевший на ремне цифровой фотоаппарат придавал ему вид Шрайбикуса из советских учебников по немецкому языку. На лице Василича играла загадочная улыбка. Вышедший первым Гуревич окинул взглядом довольного старшину и, не найдя внешних признаков такого показного веселья, скорчил нарочито-недовольную гримасу:

– Чего лыбишься? Радуетесь, что завтра нас на неделю спровадишь и опять в «синьку» уйдешь?

Васильевич, почти сразу же смекнув, что недовольство группника липовое, сделал новую затяжку и, не удостоив того ответом, швырнул сигарету в стоявшую тут же урну, в качестве которой служила старая артиллерийская гильза.

– Василич, а ты что это с фотоаппаратом? – улыбнулся выглянувший из столовки ротный. – В корреспонденты, что ли, записался, или с нами в горы идти собрался?

– С вами, – кивнул Косыгин, и все вдруг поняли, что тот не шутит. – Комбат на днях сказал: если еще раз выпью, то отправит меня с группой, вот, – радостно пояснил Васильевич, которого, похоже, такая перспектива нисколько не пугала, а даже, судя по его настроению, радовала.

– Понятненько. Василич собирается нажраться уже сегодня! – сделал свой вывод из сказанного вынырнувший из-под палаточного полога Крушинин. От неприкрытой правдивости этих слов Фадеев даже дернулся.

– Василич, ты мне знаешь что, только попробуй прикоснись сегодня к бутылке! – Хорошее настроение ротного сняло как рукой.

– И не собирался, комбат уже сказал, что иду, – растопырил свои усищи старшина. Фадеев же, глядя в его совершенно честные глаза, вздохнул и говорить больше ничего не стал.

– Василич, а фотоаппарат ты за каким хреном сюда притащил? – натягивая на голову кепку, любопытствовал ни на грамм не поверивший старшине Крушинин.

– А, – отмахнулся Косыгин, – начштаба приказал взять. Наверное, что-то фотографировать собрался.

– Слышь, Василич, щелкни-ка нас! – потребовал появившийся в дверях Леонид Левиков и, не дожидаясь согласия старшины, начал озираться по сторонам в поисках наилучшего фона.

«Может, и впрямь сфоткаться? – подумал Ефимов. – Когда еще все вместе соберемся...»

– Так, я сюда! – Высокий, худой Гуревич прислонился к левому плечу ротного, плотный широкоплечий богатырь Станислав Крушинин – справа, рядом с ним Левиков. Ефимов приткнулся было к левому плечу Гуревича, но...

– Михалыч, давай в центр! – одновременно предложили офицеры. И Сергей не заставил себя ждать. Когда же объектив фотоаппарата уже был нацелен на застывших в ожидании раз-

ведчиков, из дверей столовой показалась щурящаяся от яркого солнца физиономия капитана Воробьева.

– И я, и меня! – сразу же сориентировавшись в происходящем, потребовал ротный связи. Но первый кадр уже был сделан.

– Становись, щелкну еще раз до кучи! – милостиво разрешил вошедший в роль фотографа Косыгин, и Григорий спешно шагнул вперед, подныривая под руку капитана Гуревича. Так они и застыли: широко улыбающийся Станислав Крушинин, подчеркнуто серьезный Вадим Фадеев, насупившийся Игорь Гуревич, на мгновение опутивший взгляд Леонид Левилов, печально смотрящий вдаль Сергей Ефимов и озорно смеющийся капитан Григорий Воробьев. На мгновение ослепив фотографирующихся, сработала вспышка. Народ зашевелился...

– Все, фотосессия окончена, – заявил Косыгин и начал неторопливо убирать фотоаппарат в предназначенный для него чехол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.